

Ночь отступала в дальние углы чердака. Светало с чувством победившего капитализма. Хотелось съездить кому-то по морде и сообщить, почему оплеуха: «Пять баксов за штуку! А что? Русский бизнес!» Но поблизости никого не было. Кроме полупустой бутылки водки со свернутым в трубку и заткнутым в горлышко юмористическим журналом «Чаян».

На противоположной стене, над окном, висел заляпанный мухами транспарант. На выцветшем сукне, прежде, должно быть, цвета рабочей крови, в блеклых одеяниях не однажды использованного золота красовалась партийная строчка.

Вера Инбер

ОТРУБИ ЛИХУЮ ГОЛОВУ.

Ниже шла другая, написанная коряво, от руки, химическим карандашом:

Все равно его люблю.

Васька Брыкин, не доверяя глазам, проверил на слух главную строчку, дико звучащую в ушах, если читать ее по слогам да с похмельным напрягом: «О-ТРУ-БИ-ЛИ-ХУ-Ю-ГО-ЛО-ВУ». Инстинктивно подумал: «Намек?» Заглянул в штаны. Мда, обрезан. Когда и зачем невдомек. Полез в боковой карман пиджака. Паспорт. Развернул. Уперся в графу «национальность». Русский. Вздохнул с облегчением. Имя? Василий. Фамилия? Брыкин. Все точно. Соответствует. Отчество? Ясакович? Что за чертовщина на татарский лад? Журнал татарский. Отчество татарское. Обстановка Соловьем-разбойником попахивает и напоминает Куликово поле. «Ясак» по-татарски – нечто вроде дани, что собирала Золотая орда с Руси. А по-русски, ни дать – ни взять, вернее, как раз наоборот, и дать и взять – крутое вымогательство: в денежном исчислении, а то драгоценным предметом или натурой. Мздоимство сплошное, а не отчество. Хотя... хотя, если память не изменяет, за это прозвище чаще доставалось на орехи, чем на чай, когда в детстве обещали «Москву показать за уши» и дразнили не взяточником, не Ясаковичем на русско-татарский лад, а на еврейский – Исаковичем, по природной хитрице откупившим за чечевичную похлебку первородство у Ясава. Однако, дразнили его Ясаковичем или Исаковичем, это секрета обрезания не открывает. Обрезан, и все, хотя в графе «национальность» – русский. А на еврейский манер обрезан, на восьмой день после рождения, либо на татарский, в тринадцать лет, по внешнему виду не определишь. Главное, что за своего сойдешь и там, и тут. В Иерусалиме. И в Казани. Вот по этому поводу в журнале и стишки есть – на пьяную голову способствуют ориентировке на местности.

Ефим Гаммер

ПО ПОВОДУ ПУБЛИКАЦИИ
В ЖУРНАЛЕ «ЧАЯН».

В своем еврейском огороде
Он был татарин по природе.
В Казани получил признание
После второго обрезанья.

«Обо мне, кажись, – решил Васька, – распространяется автор. – Казань-Казань, а здесь все похлеще будет. Москва, как много в этом звуке для сердца русского сплелось. Еди его мухи, русского! А какой я русский, когда поделен на три

национальности, чисто бутерброд – хлеб, масло и колбаса. Впрочем, где наше не пропало?»

Вспомнив о бутерброде, Васька не забыл и о выпивке. «Бутыльброд так бутыльброд!» И приложился к горлышку да закусил, что Бог послал с «еврейского огорода» на поэтической странице – жирными буковками, пахнущими типографской краской, настоящей на спирту.

Теперь пора и в люди. Но не успел он и шага ступить, как попал под Матрену.

Измученная бессонницей, она слепо вломила на чердак с грудой свежевстиранного белья. И ножкой, напоминающей любителям выпить бочонок пива, наступила – толстозадая – на Ваську Брыкина, кукарекающего на четвереньках лучезарному Завтра.

Он испуганно взвыл, придавленный к полу, в память о своем мужском достоинстве. Тетка Матрена не осталась безответной. Тоже взвыла. Не о его непутевом достоинстве. И не о своем, мужем битом. А о кипе белья, чуть было не лишенной первой постельной свежести, упали оно на неумытую рожу малознакомого постояльца. И со всей возможной стремительностью выметнулась с чердака в тартарары, куда-то в дальний низ, под лестницу, к своему буйненькому старикашке. Тот хоть и разменял седьмой десяток всего лишь на полшу с прицепом в два пива, но при этом завсегда готов поговорить по душам и по мордасям – благо совесть весомая есть и кулачишко размером в совесть.

Васька, тоже совестливый с кулачишко, прихватил оброненный лифчик и поскакал по лестницам за теткой Матреной.

– Ай-я-яй! – визжала она. – Антихрист! – и не оглядывалась на лифчик, будто он ей не по размеру.

Дед Антип, услышав родной голос, приоровливо взялся за ухват. И приготовился к самообороне, затолкнув под лежак недопитую чекушку – на случай смерти, для опохмелки на том свете. И тут, жизни для, уловил новые нотки в воплях старухи. Он был не Моцарт, но и его бы эти нотки подняли из гроба. Заполошенно, позабыв об инфаркте, он выбежал на лестницу, навстречу быломu своему семейному счастью, ныне травленому молью. Но вместо счастья наскочил на Ваську, при ушах, галстукe и полупустой бутылке.

– В чем дело? Почему переполох? – деловито, с душевным подъемом напрашивался дед Антип на зуботычину, ибо вознамерился оставить отпечатки своих пальцев на доступной обозрению поллитрухе.

– Бабка шпиона поймала.

– Еще засылают?

– У них с советских времен перепроизводство по этой части. Вот и шлют к нам, шлют.

– Зачем? – недоумевал дед Антип, нюхом чуя: придется и собственную чекушку распечатать – слишком интересный разговор наклеивается.

– Зачем? – переспросил Васька. – Вот это у них и выясняют, когда ловят.

– И что на поверку?

- На поверку, дед-самоцвет, для нас большие барыши от этих шпионов наверчиваются.
- Ну!
- А знают они потаенные места, где у нас что-то плохо лежит.
- Еще не украдено? – проявил смекалку старик.
- Точно!
- Вот они и дают нашим органам наводку, – проявлял дед дальнейшую смекалку. – А мы и крадем.
- Я бы предпочел «на водку» в прямом смысле. Без воровства.
- Пойдем. Обмозгуем, – уважил дед Васькины предпочтения.
- Пошли. Уселись за стол. Начали мозговать. По сухому. Косо посматривая на недопитую полшу.
- Премию дадут? – поинтересовался Антип.
- За что?
- За шпиона с чердака?
- Бабке дадут.
- А мне?
- Тебе не дадут.
- Почему?
- Пропьешь.
- Я ейный муж по паспорту! А пенсия – на смех курам. Да и те нынеча не смеются, прослышав, что прививки от птичьего гриппа будут делать не им, а их надсмотрщикам – людям.
- Таким – как ты?
- Я не над курами был в охране. Бери повыше. Над звездной бригадой конструктора Королева, когда они замастырили космический корабль. Над секретными науками наблюдал в Кремлевской «Шарашке» – биологическими, химическими, парапсихологическими.
- Это те, что развивались на партийном пару?
- На пару брюки глядят, чтоб стрелка не ломалась. А мы Стрелку-Белку запускали в космос. И по секрету скажу...
- Съели?
- Сам ты – «съели!» Мы ее в «Шарашку» другую завернули на предмет охраны помещения, как проверенную на космос и радиацию.
- Какую же?
- Много будешь знать – скоро состаришься.
- Я уже не состарюсь. При своем возрасте всегда пребывать буду – 40 и ни в одном глазу. Как водка.
- Э-э, не пудри мне мозги, милоч. Это в нашей «Шарашке», в архисекретном ее подразделении и замастырили таких, чтобы не старели и готовили соответственно не стареющих солдат для будущих наших войн.
- Вот я из нее и буду.
- Врешь!

- А ты пощупай.
- Чего тебя щупать? Чай, не баба,
- Поэтому и пощупай.
- Дед Антип пощупал. И убедился: прав Васька, честно говорит. А в чем прав и что честно говорит – это как-то не осознал, хотя... хотя... не баба, конечно. И более того, в боковом кармане пиджака – не обидел – пронес через проходную его «Шарашки» плоскую флягу с иностранными словами на этикетке и чем-то очень знакомым по аромату и цвету.
- Дорогая? – поинтересовался, постукивая ногтем по стеклу в матерчатой упаковке-обмотке.
- Антикварная.
- Поди, цены ей нету?
- Цены нету.
- Даришь?
- Презент.
- Мы не в пожарной охране. Снимай брезент. Открывай!
- Тетка Матрена, будто услышала родовое проклятие. Набежала – накричала:
- Опять пить?!
- А что еще остается, мать, когда жизни нет?
- Я тебе покажу жизнь! – продемонстрировала увесистый кулак. И пока Васька распечатывал флягу, выдернула из недопитой бутылки пробку в виде свернутого в трубку журнала «Чаян» – и хлопысть! – все до дна.
- А без выпивки, действительно, жизни нет. И дед Антип, жизни для, плеснул в рот антикварной жидкости из плоской фляги с диковинными буквами и, не очень удовлетворенный градусом опьянения, полез под кушетку за добавкой. Вытащил чекушку, поставил на стол. Порезал соленый огурец вдоль, на четыре части, положил Ваське на ломтик хлеба, Матрене на ломтик хлеба, себе, а четвертый ломтик хлеба с остатком кислого огурца установил, соблюдая равновесие, на горлышке Васькиной фляги – чтобы надыхался алкогольных паров до неВИННОго часа опохмелки.
- Наполняй до краев! – сказал Ваське. У самого рука не поднималась наливать из своей бутылки сразу всем.
- Наливаю.
- И налил.
- Поговорим.
- Крякнули. И поговорили.
- Говорить начал дед Антип, закусив хлебом с кислым огурчиком.
- Так говоришь, шпиона поймала? Вот шельма!
- Говорю.
- А где он на предмет личности? Сбег?
- Куда ему от нашей действительности? Вот он, присутствует, – постучал себя Васька в грудь.
- Врешь, недодел! Ты же на морду наших кровей.

- Так незаметней.
 - Да ну?
 - Ну!
 - Докажи.
 - Русский я по паспорту. Титульная национальность – вездеход!
 - И я.
 - Отец наполовину татарин.
 - Вторая после русских национальность в России.
 - Их больше всех на улице, – согласился Васька.
 - А по матушке как тебя кличут?
 - Еврей.
 - Это зачем для шпиона? Их ныне в олигархи записывают, мол, Рассею променяли на доллары. Мало?
 - Еврей – на случай провала. Чтобы антисемиты не мешали поспешно выскочить в Израиль.
 - Антисемиты мешать и не будут, – заметил дед Антип. – Наоборот, поспособствуют. Правда... правда, укажи спервоначалу, что тут еще плохо лежит.
 - За тем и прибыл.
 - Ну?
 - Партийные деньги.
 - Какие?
- Тетка Матрена, мирно клюкающая из стаканчика водку, внезапно рассвирепела:
- Какие-такие партийные деньги? Я всю жизнь проторчала в партии, а деньги, с Лениным на обложке, со Сталиным, все едино – лишь на расход, и то не хватало до полочки.
 - Потому и отправляли в расход лишних едоков, дабы больше выходило на душу живого населения, – догадался дед Антип. – Не мешай товарищу, а то унесет тайну с собой. А там деньги.
 - Я его и на тот свет не отпущу! – продолжала горячиться тетка Матрена, пока не долили ее стопарю добавку – для самоуважения.
 - Ну, шпион, говори, где бабки? – допытывался дед Антип, утомив водкой вторую свою половину, некогда первую красавицу Главного научного заведения страны, именуемого «Шарашкой». Там под его охраной тянули срок изобретатели космических кораблей, вроде Королева, и прочие неприметные по тем временам гении.
 - Бабки в бабке.
 - То бишь?
 - Есть такая баба, из мутантов – золота живородного. Именно так и именуется – Золотая баба. Наслышан, небось?
 - Говаривали, водится такая.
 - Даже место нам в «Шарашке» указывали. По последней ориентировке, либо в Сибири, в тайном схроне у деревни Ясное дышло. Это моя малая родина, в

случае чего, можно и наведаться. Либо, если перепрытали, где-то здесь, под памятником Ленину.

– Памятники-то снимали.

– То-то и оно – снимали, чтобы сбить нас со следа.

– А пошто она тебе нужна?

– Золотая!

– Хучь и Золотая. Моя тоже не сахар, но женщина. Со всем пригодным к обращению – руками, доложу, и телом. А эта – железяка какая.

– Не сечешь мозгой, старик! Наша «Шарашка» на полном партийном обеспечении, почитай, со Сталинского коммунизма. А партийные деньги они, кузнецы эти, которые прежде меч перековали на орало, теперь переплавили в золото. Причем, в какое-то живородное... с этим еще надо разобраться. Найдем – разберемся – выйдем на саморасчет и окупаемость. А то партийцы нам задачи еще при Хозяине поставили на весь двадцать первый век, а сами от идеологических забот в капиталисты подались, зарплаты три месяца не выплачивают.

– Без зарплаты худо, – согласился дед Антип. – И я бы подался, когда нет зарплаты, в шпионы. А много ли платят?

– Готов завербоваться, старик?

– А чо нет? Ты же, выходит на поверку, не против Рассеи шпион. Наоборот, как раз за Рассею, выходит, шпион. За Рассею Ленина-Сталина, где партия - наш рулевой.

– Выходит так, но за Рассею Ленина-Сталина с человеческим лицом.

– Социализма?

– Его самого!

– Ну, так вербуй!

– А выпьем?

– Как без этого? – выпили по одной, выпили по другой, дед Антип вспомнил о деле: – А я уже завербован?

– Ты – да!

– А старуха моя?

– Она пьет?

– Не видишь?

– Тогда тоже уже завербована.

– Но деньги вперед! – заартачилась тетка Матрена.

– Будут и деньги. Сдадим стеклотару, будут у нас и деньги. Где тут у вас приемный пункт?

Дед Антип торкнул жену локтем в бок.

– А что? Он прав! Прав человек! – и потащился под лежак, к тайничку, за второй, бабку пригласив на третьего.

Васька знал, что зарядка удлиняет жизнь, особенно по утрам, когда до вечера надо еще «пару раз сообразить». И потому, покинув деда Антипа с его стеклотарой у закрытого на переучет алкоголиков приемного пункта, он решил присоединиться к живо приседающему за ларьком памятнику Ленину, удлиняющему себе жизнь, так сказать, за счет физзарядки.

– Ты чего? – присел рядом с ним, лысеньким, малость пузатеньким, облаченным в забронзовелое пальто, соблазнительно поскрипывающее лакомым для утильсырья цветным металлом.

– Разогреваюсь. Вчера принял на грудь. Сегодня...

– Придавило?

– Вот давление поднимаю.

– А ты пальтишко... того... скинь, и полегчает с давлением-то.

– Утащишь. А мне без него – форменный каюк. Без него и фуражки, – показал кепку, тоже забронзовелого фасона, какие носили, должно быть, 25 октября 1917 года по старому стилю календаря, когда охотились брать навалом Зимний дворец.

– Много подают?

– Не так, чтобы много. Алкоголики! – указал пальцем на томящихся у приемного пункта людей, колокольню вызванивающих, как на молебен, пустым стеклом.

– Так переместись.

– Куда?

– К Кремлю поближе.

– Там все занято.

– Будто бы возле Кремля и не сыщется ни одного постамента?

– Нынешние постаменты не для меня.

– Это – когда ты не со мной!

– А с тобой?

– Со мной все твои мечты разом осуществляются. Пойдем – увидишь.

– Ты – что? – колдун из нашего будущего?

– Из будущего, будущего... вашего... Если и дальше зарплату платить не будут.

Васька энергично взмахнул руками, подпрыгнул, полагая, что у самого рта пролетела синяя птица счастья, аппетитная мечта каждого прикурка из его «Шарашки». Но это мелькнула синюшная морда милиционера, пришедшего на «пятак» изображать из себя за червонец оборотня в погонах.

– Двинули! – сказал памятник Ленину. – А то штраф влепит за неуважение к мундиру.

И они двинули. Тишком – шажком, потом чуть быстрее, еще чуть-чуть, и во всю прыть.

– Куда? – заорал обалделый милиционер, пришедший по-хорошему, просто опохмелиться за чужой счет. – Что вам – мать твою! – пятки солью смазали?

– Солью! Солью! – разнеслось эхом.

Заволновался алкогольный люд, занервничал трезвый народ, а жены, те и вовсе ум потеряли, как вспомнили детство свое, потерянное в очередях.

«За солью бегут, сволочи! Опять дефицит – кило в одни руки! А то и война!»

Только Васька наглотался на пару с памятником свежего воздуха, как рыгаловка приларьковая, звеня немытым товаром, бросилась за ним в погоню.

– Соль! Соль! Евреи всю соль в Израиль вывезли!

«Какие евреи?» – Васька косо посмотрел на памятник Ленину, у которого в значке, еще с бабушкиных времен, покоится необходимая для вывоза соли национальность.

Памятник столь же косо посмотрел и на него.

«Мда! – догадался Васька, – подумал о том же».

И они прибавили ходу.

За ними увязалась собака.

За собакой поводырь, не успевший отцепиться от кожаного ремешка.

– К ноге, сучье вымя! – взбесился человек, будто его уже укусили.

А псу не понять человеческого отношения. Бежит и бежит – «к ноге, так к ноге».

Язык от удовольствия высунул, лижет Васькины пятки, будто и впрямь вкусной солью, недоступной прилавку, посыпанные.

Картина погони, заимствованная из итальянских фильмов о первой любви и потери невинности, никого не могла оставить равнодушным. Поднялся свист и гвалт на всю улицу. Самые сознательные из любопытных припустили прытче других. И в один голос:

– Стой! Стой! Соль не увози...

– От несолонохлебавших, – схохмил засланец секретной «Шарашки» и припустил пуце. Памятник за ним. Но не столь прытко: одышка, возраст, застарелый сифилис, да пальто тяжелое. Не разбежишься. Зато Васька – вот гордость волчья! – ни за что не желал, чтобы какой-то сукин сын наступал ему на пятки.

– Прибавь оборотов! – торопил он памятник.

– А куда это все?

– Не радуйся, не на штурм царевых покоев!

– Больно им теперь надо: «Свобода! Мир хижинам – война дворцам!» Но ведь бегут-бегут – давят, словно в сортир опаздывают.

– В магазин бегут, темнота! И как раз за тем, что не пахнет. За солью! За спичками! И за давней надеждой. Может, там опять что-то выбросили по случаю какой-то твоей годовщины, что завсегда по субботникам.

– Какая годовщина? Опомнись! Меня посшибали со всех пьедесталов. И даже рядом – с протянутой рукой – стоять не позволяют.

– То-то и ты бежишь.

– И я бегу. А то поймают-накостыляют, и выставят в музее Маяковского в виде плачущего большевика. Интеллигенция! – говно нации...

Зачарованные преследователи передали Ленинские слова по цепочке назад.

Издали донеслось:

- Что дают-то? Не расслышал!
- Еще не дают. А только обещают выставить!
- Что выставить? Что?
- Большевика.
- Что? Другого дефицита у них не нашлось?
- И говно нации!

Кто-то от разочарования дал кому-то по роже, а в знак ответного разочарования получил бутылкой по голове. Назревало уголовное дело. Вжарят десятку – совсем разучишься зубарики на полку складывать. Вот, чтобы не разучиться, люди и растеклись из свидетелей по своим обычным надобностям: кто на уголок, к приемному пункту стеклотары, кто на базар за картошкой и луком, кто в банк за деньгами на расход или в Думу народную за новыми указами и веяниями в политике.

На месте преступления остались лишь памятник Ленину, Васька Брыкин и приبلудный пес-мордорез. Васька попытался найти с ним общий язык. Не получилось. Посему и пришлось, чтобы друг человека не брехал лишнего, свести его на живодерню.

3

Живодерня пахла исторической миссией пролетариата. Памятник сразу это почувствовал, без всякого напряжения для ноздрей.

- Режут батеньки, режут! – довольно похлопывал себя по забронзовелому пальто и отзывался звоном набатным в похмельной Васькиной черепушке.
- Режем! Режем! Как законом предписано! – рапортовал памятнику, приняв его за уполномоченного, лихой живодер: при усах, клешах, тельняшке и большом ножике, которым отдавал по-воински честь.
- И как это у вас получается? Безболезненно? – интересовался памятник, примеряющий роль самого человеческого из исторических персонажей родины.
- Безболезненно и по плану. Вжиг-вжиг, и ваших нет.
- «Вжиг-вжиг», надеюсь, не по национальному вопросу?
- А нам без разницы! У матросов нет вопросов!
- За наших еще рано, – на всякий случай поправил боевитого служаку памятник, дабы не потерять в глазах преданного делу товарища чуток предписанной вождю пролетариата гуманности. – Отстроимся, тогда...
- Как скажешь, начальник. Нам-то что! Мы – люди совсем маленькие, вот такие,
- живодер показал на пальцах со стопарь. – Пси́на твоя? Давай сюды, мы ей быстро райские кущи покажем во имя счастливого будущего.
- А заплатишь?
- Кому?
- Нам.

Живодер умильно посмотрел на собаку, заговорщицки подмигнул, словно счастье для нее выторговывал.

– На бутылку! И по рукам! Человек с человеком всегда найдет общий язык.
– Если он не собака, – согласился Васька, вспомнив, что совсем недавно не сподобился при всем желании найти этот самый общий язык с четвероногим другом. Спасибо памятнику, живодерня помогла!

4

Васька пересчитал деньги и смущенный нехваткой средств к существованию, с новым, эгоистического оттенка интересом посмотрел на памятник: «сработан под металл, червячка морить, наверно, ему без надобности».

Однако памятник морил уже не червячка, а людей, глазающих на зажатую в его руке кепку: будто из нее что-то выпрыгнет, четвероногое, вкусное – кролик, например, как у мага заморского.

Но памятник жаловал почему-то только духовную пищу.

– «Вывоз капитала есть паразитизм в квадрате», – чеканил он.

– Тише! – сказал сердобольный прохожий – очки, шляпа, мохнатые брови, седой мох в ушах. – Олигархи услышат. Наймут киллера.

– Все памятники не перестреляешь!

– Нужны им памятники! – отмахнулся прохожий. – Памятники они переплавили, да сбагрили за границу. А тебя обязательно шлепнут. За длинный язык. Ишь ты, «вывоз капитала – паразитизм в квадрате».

– «И не признавать того, что есть, нельзя. Оно само заставит себя признать».

– Шлепнут! Найдут и шлепнут! Дай адрес, чтобы хотя бы один честный человек на тебе подзаработал. Ты уже, видать, до гонорара не доживешь.

– Маленький домик напротив Кремля.

– Мавзолей?

– Мавзолей!

– А где же адрес?

– Внутри. В Мавзолее.

– Значит, ты под Него всерьез канаешь?

– А не видно по-тревезому?

– Пальто Его... Кепка Его...

– И слова Его – без всякого самодуя! Ленинские слова, шляпа в очках! Из доклада на восьмом съезде РКПБ. Том 24, страница 138.

– Памятник, да ты же последний из могикан! – воскликнул прохожий. – Ныныче никто Его не цитачит.

– Памятнику рот не закроешь!

– Это смотря какой закон на дворе, – воспротивился дядька, выразительно, с намеком что ли, приподнимая пальчиком шляпу.

Но куда попрешь против Ленинской логики? Льется водопадом из памятника к беспамятству народному – обнадеживает.

– «Общество основывается не на законе. Это фантазия юристов».

– Э-э, годи, друг ситный. Закон есть закон! Я милицейский чин в прошлом, знаю, что говорю.

– «Что такое закон? Выражение воли господствующих классов».

– Ну, памятник, даешь – по живому режешь! А не скажешь ли нам, кто на сегодняшний день ходит в господствующих классах?

– Батенька! И скажу! Вам непременно скажу...

Васька посмотрел на воодушевленный памятник еще раз, теперь уже не сомневаясь: ему морить червячка без надобности, пусть морит себе людей. А сам направился в ближайший ресторан, на противоположной стороне улицы. Швейцар у стеклянных дверей задобрел от Васькиных приношений и впустил его, обезличенного, в накрахмаленный зал. Впустили – Васька и вошел, не возвращаясь же назад без денег. За выход, смекнул, здесь тоже нужно платить. Не лучше ли посидеть – угоститься на шару, тем более, что клиентом приятно себя чувствовать. Стул пододвинули. Скатерку на столике салфеткой обветрили. Бутылку откупорили. Меню поднесли. Сделай одолжение, почитай, что там написано. Почитал – темно стало в глазах, и мокро в паху. В меню – вся ленинская диалектика напояк: там есть все, чего нет у него. Антрекот – рублики, рублики, рублики. Бифштекс – рублики, рублики, рублики. Красная икра, черная, водка «Столичная», лососина, суши, пиво «Бавария», израильский шоколад «Элит», французский коньяк «Курвазь» – рублики-рублики-долларовый эквивалент. Тут желудок его не выдержал и от великого расстройства исполнил утробным голосом, на свой лад, конечно, арию из оперы «Князь Игорь» – «О, дайте, дайте мне котлету, я свой позор сумею искупить!» – Артист? – официант подскочил к нему тут же, решив, что перед ним знаменитый маэстро-чрево вещатель, прибывший на гастроли из Штатов заради заказанного по телефону столика.

– Артист! – согласился Васька Брыкин, не понимая, откуда местным пентюхам известна его «погоняла-кликуха» из личного досье засекреченной со времен Сталина «Шарашки».

– Что изволите? – умильно завилал задом официант, как недавно пес хвостом, когда увидел, что живодер отсчитывает Ваське гроши на нечто полезное для здоровья, мозговую косточку, должно быть.

– Изволю, – подумал Васька, собираясь с мыслями, так как денег в наличии уже не было. А, подумав, сказал просто, без выкриков: – Кушать!

Официант – ноги не держали! – вспорхнул и на крыльях любви ко всему чужеродному полетел на кухню сообщать браткам-поварам, что не зря отсидел академический срок на Инъязе в Московском универе для вундеркиндов-заочников: с полуслова понял маэстро, постиг все извивы иностранной души заграничника.

Радушные повара отблагодетельствовали его поднос кулинарными чудесами своего творчества и снарядили, курлыкающего от счастья, в обратный путь. Как с седьмого неба спустился он к Ваське, расшаркивается перед ним, заезжим кумиром, лопочет что-то непонятное по-английски – «Ту би о нот ту би». И сам

себе, будто суфлер, бубнит под нос по-русски, чтобы не забыть при переводе: «Быть или не быть – вот в чем вопрос».

– Вопрос ставят ребром, выломанным из грудной клетки, – веско сказал Васька, полагая, что ему принесли на обед копченые ребрышки с гороховым пюре, как это часто бывало в студенческой столовке, когда он осваивал систему Станиславского во ВГИКе.

– О, гуд-гуд! – залопотал официант. – Какой афоризм! Одна всего строка...

– И та заплечная! – бухнул автор.

– Йес-йес, одна строка, а в ней весь мир запечатлен, как в капле росы.

– Роса глаза не выест, – поддержал Васька официанта, желая скорее скovyрнуть его с поэтических высот на землю – поближе к пиршескому столу и тарелкам со всякими вкусоностями.

– Йес-йес! Кушать подано! Плиз, битте-битте!

– Кто тут битый? Рано еще, ничего не выпито.

– Намек фром ваший хумор понятен, – официанта от природной любезности уже зашкаливало, он переключился на все языки разом, даже на те, которые не изучал в универе, на русский, то бишь: – Пейте-ешьте, сейчас вам фирменное блюдо подадут – «Цимес мит фасоляс унд азу по-татарски фром мясо а-ля фарш».

– Кухня не нашенская? – полюбопытствовал Васька.

– Кухня – европейский дизайн.

– Я о другом. Ресторан какой национальности?

– Мы для всех скопом. Для ближневосточной национальности – без свинины, для кавказской – с шашлычком.

– А для русской?

– Уже несем-с!

И не обманул, подлец. Водочку льет, салатик с закордонной селедочкой Иваси подсовывает.

От такого обхождения Васька испытывал неземное блаженство. Впервые к нему относятся с непомерным, если трезво подумать, уважением. Но Васька трезво думать не привык. И в благодарность за то, что наливают и не осведомляются о платежеспособности, наяривал на желудке утробный концерт – благо напитки да закусочки располагали к вдохновению.

А в антракте поднесли ему обещанное кушанье-диво, одних заграничных ароматов баксов на сто. Васька за вилку и давай ковырять это самое диво. Только никак не допетрить, где тут «цимес мит фасоляс» вострит ему глазки, а где побрательник его интернациональных корней «азу по-татарски фром мясо а-ля фарш», но пахнет и тем и другим, и выглядит не задрипанной «котлетой по-киевски» из студенческой обжиралки, а грандиозной Вавилонской башней. Причем, внутри, когда разворотил архитектуру до основания, сюрприз для пытливой мысли – рюмка с нектаром «Виагра».

– Премия, – подсказал официант, – у нас и девочки есть.

И куда-то поволокся. Чай, не за девочками. А то Васька еще и за мясо притарелочное не расплатился, куда ему мясо постельное.

«А впрочем, премия, – подумал он, – премия...» И вспомнил, что был среди первых, кому довелось смотреть диковатый, надо признаться, фильм «Премия», снятый по пьесе Александра Гельмана. Было это в 1975 году, при поступлении во ВГИК, на дневное отделение.

Как пробный шар, запустили на просмотр будущим светочам экрана новую, не обкатанную мнениями картину, и сказали на приемном экзамене: «Пиши рецензию, племя младое – незнакомое. Посмотрим, кто из вас потолковее будет? Кто потолковее напишет, тот и останется в нашем искусстве».

Из всех абитуриентов самым толковым оказался Васька Брыкин. И написал. И остался. И стал тем, кем стал. Драматургом, режиссером и артистом закрытого для посторонних зрителей театра, который находится там, куда не ступала нога свободного человека, в засекреченной до потери пульса даже для современных правителей страны «Шарашке». И будь хоть пяти пядей во лбу, никто не различит в тебе Тарковского, не признает дар Высоцкого, таланту, что от Бога, не поклонится, а ежели и начнет припоминать в тебе кого-то, с кем раньше встречался, то попеременно с искренним удивлением: Ты? Как это так? Совсем не постарел! Не пьешь что ли, не куришь? Печень бережешь?

– И пью! И курю! – сказал Васька вслух, опомнясь от воспоминаний, и бабахнул кулаком по столу.

– Несу! Уже несу! – послышалось от дверей на кухню.

Васька, как спросонья, огляделся по сторонам.

«Официант? Опять официант? Морда нерусская, что ему еще нужно? Платить – рано. Кушать – поздно, больше не лезет. Вот выпить – в самый раз. Выпить – никогда не рано и никогда не поздно».

Васька налил себе в фужер заграничный коньяк «Курвузь». Хлобыстнул – не поморщился – «где наше не пропадало?!» И впал в транс. А когда выпал из трансa, видит: официант цветы ему с написанным на морде уважением сует в рот и умильно при этом бедрами, шалунишка этакий, вертит-вертит, будто уроки по чревоуещанию уже перенял и рекомендует себя в заграничное турне. Но бестолку все это баловство, бестолку. Никакого приличного звука, сплошное надругательство над высоким мастерством магов и чародеев.

Васька и вмазал ему.

– Не трожь искусство! Оно народное!

Официант скопытился. Обронил тарелки, бокалы. Из кармана выпал микрофончик-копеечка, который тут же и зачревоуещал: «Ай эм сорри» – извините, «плиз» – пожалуйста, «гейн индрейт!» – иди на тот свет. (Идиш. Язык евреев, похищенный у древних тевтонов на их пути в нынешние немцы.) – Эскьюз ми, – героически выкрикнул официант и мигом сошел с ума от перенапряжения мозга. Сожрал от стыда микрофончик, принялся за битое стекло, остатки посуды.

Швейцар схватил его за плечи. Начал трясти.

– Уймись! Уймись, Леша! Все одно – визу не выправят!

Леша, однако, не уловил благородства охранника – сказала привычка жрать поедом друг друга. Вот и откусил ухо, подслушивающее, да вознамерился цапнуть за язык доносительский. Но Васька бабахнул ему еще разок по затыльнику, но уже для убедительности букетом подаренных цветов, и привел в чувство, то есть в бессловесное состояние, когда заграничное «плиз» равнозначно заморскому «гейн индрейт!», а все люди – братья.

Официант, поднимаясь с четверенок, решил побрататься со всем миром. Но не получалось. Швейцар надел на него сверху и крепко держал под собой, не пускал в люди. А Ваське сказал:

– Беги за подмогой. Еще пять минут, а там я за него не ручаюсь. Людоед, псих недорезанный!

Васька и рванул за подмогой. Выскочил из ресторана и сразу к памятнику: глаза на лбу, а в них ужас с лошадиную морду.

– Эй, железный! Рви за каретой!

Памятник руками развел.

– Никак не могу, батенька.

– А что так? К месту прикипел?

– Не видишь? Цветами украшают.

– Какого хрена?

– Речугу толкнул. «Как организовать соревнование». Это из полного собрания сочинений, том 35, страница 200.

– Что сказанул-то? Нечто толковое, или просто лясы точил?

– Видать, угораздило на что-то акутальное, насущное, так сказать.

– А именно?

– «Война не на жизнь, а на смерть богатым и прихлебателям, буржуазным интеллигентам... с ними надо расправляться, при малейшем нарушении... В одном месте посадить в тюрьму... В другом – поставить чистить сортиры. В третьем – снабдить их, по отбытии карцера, желтыми билетами... В четвертом — расстрелять на месте... Чем разнообразнее, тем лучше, тем богаче будет общий опыт...»

– К революции призываешь?

– Я знаю? Но цветами, во всяком случае, меня украшают. Говорят, по случаю торжественного открытия.

– Чего, дура, открытия?

– Открытия, говорят. Торжественного. Меня, стало быть, опять открывают, памятник.

– Ну и дела! Одной каретой скорой помощи теперь не обойтись!

– Вызывай сразу эскадрон летучих ангелов в белых халатах.

Васька бросился к общественному телефону. Давай наворачивать диск и давить на голос обеспокоенный.

– Алло! Алло! Психолечебница? Гони сюда на скоростях! Что? Что? А через плечо! Не понять? Мне тоже – но попробуйте врубиться: Лешка-официант, мать

его, в людоеды подался. Набрасывается на клиентов, кричит: «Всех укушу и скушаю!» А недоеденные, те, кого еще не принял на зубок, вообще ненормальные стали от этих криков. Памятник надумали открывать. Кому? Ленину! Ей бо! Не верите? Ложный вызов? Нет-нет! Но памятник брат не нужно, здоров как бык – будто из металла выкованный. Какого? Цветного? Да, цветного! Ах, уже едете? Спасибо на добром слове.

(Продолжение следует)